

ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Б. В. МИЛЛЕР

О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа

Татский язык горских евреев Кавказа (так называемый еврейско-татский) до сих пор известен только по работам покойного академика Вс. Ф. Миллера.¹ Тексты, им изданные, были им записаны со слов уроженцев Нальчика, Владикавказа, Темир-Хан-Шуры, Тарки, т. е. отражали наречие группы горских евреев Северного Кавказа. Наречие же евреев-татов, живущих в Закавказье, в пределах нынешней АЗССР, еще не подвергалось обследованию. В конце лета 1928 г., занимаясь обследованием всех татских говоров Закавказья, результатом чего явилась изданная в Баку в 1929 г. моя статья «Таты, их расселение и говоры»,² я записал от некоторых уроженцев Еврейской Слободы г. Кубы, — главного центра южной группы евреев-татов, — ниже предлагаемые образцы их народной словесности и зарождающейся поэтической литературы. Надо сказать, что кубинские еврей-таты имеют среди других своих соплеменников репутацию прекрасных рассказчиков, знающих большое количество сказок, анекдотов, поговорок, пословиц и других образцов фольклора. Сказка про «Сон шаха Аббаса» (Xov Šoh Abbas) и анекдот «Еврейка у доктора» (Je zān jūhur ä duxdir) записаны мною в Баку со слов Я. И. Биророва, кубинца родом, человека средних лет, работавшего фельдшером в Сураханской больнице. Я. И. Бироров очень интересовался своим родным языком, составлял

¹ Вот перечень его трудов: 1) Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб. 1892; 2) Очерк фонетики еврейско-татского наречия. М. 1900 (вып. III Трудов по востоковед. б. Лазар. инст. вост. языков); 3) Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М. 1901 (вып. VII Трудов Лазар. инст.); 4) О семитических элементах в татском наречии горских евреев (т. II, вып. 3. Древностей Восточных, изд. Моск. археол. общ.); 5) Еврейско-татский мѣ'ни. ЗВО. т. XXI.

² Извест. Общ. обл. и изуч. Азербайджана, № 8, вып. VII.

словарь по разным его говорам, сочинял пьесы бытового характера (остающиеся пока в рукописи). Он хорошо владел русским и турецко-азербайджанским языками. Стихотворение «Сирота о своей жизни» (*Jetim äz hol xüšdä*) и несколько пословиц, здесь помещаемых, записаны мной в самой Еврейской Слободе Кубы, в местном клубе, от молодого начинающего поэта Якова Агарунова (*Jaqi Aharunof*). Он также хорошо владел русским и «тюркским» языками.

Если сказка про «Сон шаха Аббаса» интересна для нас тем, что указывает на бытование среди татов Закавказья персидских сказочных сюжетов, то стихотворение «Сирота о своей жизни», в котором затронута тема уже советской современности, представляет одну из первых попыток горско-еврейской молодежи использовать свой язык для стихотворчества в европейском вкусе. Метрический принцип этого стихотворения — слоговой. В нем выдерживаются строки в 14 (реже 15) слогов.

В вышеупомянутой моей работе о татах я уже вкратце коснулся особенностей кубинско-татского говора и отметил его главные отличия как от «мусульманских» говоров, так и от северно-еврейского татского говора.¹ Здесь я считаю нелишним несколько детальнее остановиться только на соотношении южного и северного говора кавказских евреев-татов и привести необходимые иллюстрирующие примеры из словаря обоих говоров. При этом, так как для северного говора я пользуюсь печатными работами Вс. Ф. Миллера, я для однообразия транскрипции передаю его русскую транскрипцию соответствующей латинской, принятой для иранских текстов.

Отличия кубинского говора от северного сводятся к следующему.² В фонетике, в консонантизме, во-первых, по моим наблюдениям, вовсе не имеется «эмфатического» *t*, отмеченного Вс. Ф. Миллером в северном говоре в 12 словах.³ Этот звук заменяется в соответствующих словах обыкновенным глухим постдентальным *t*: *tar* ‘мокрый’ (*tar*), *tapinja* ‘пистолет’ (*tapinžä*), *tahsirä* ‘гнить’ (*tahsire*), или же обыкновенным звонким *d*: *duz* ‘прямо’ (*tüz*), или *d* эмфатическим: *danä* ‘бычек’ (*тана*);⁴ во-вторых, отсутствует заднеязычный звонкий спирант *γ* (гайн) и везде заменяется

¹ См. Таты, стр. 35—37.

² Приводимые ниже примеры из северного говора я заключаю в скобки.

³ См. эти слова под *t*, в словаре, приложенном к его «Материалам».

⁴ В прениях на горско-еврейской алфавитной конференции в Баку (в апреле 1929 г.) ни один из ее участников не утверждал и не отстаивал наличия в северном говоре этого *t*, и предлагался лишь знак *ḏ* (*d*) для эмфатического звонкого зубного.

соответствующим глухим смычным q: boq 'сад' (boγ), qazqu 'котел' (γažyu), qajālā 'сорока' (γažele), qāḡāvoš 'рабыня' (γaḡevoš), qili 'засов' (γili), qoš 'бровь' (γoš), qutinā 'щека' (γutine). Лишь в единичных случаях мною отмечен γ: в слове guḡān 'масло' и, в исходе слова и в чередовании с q, в juγ, juq 'кусочек материи'; в-третьих, звонкий спирант ž (ж), повидимому преобладающий в северном говоре и лишь спорадически чередующийся в нем со звонкой аффрикатой j, совсем отсутствует в кубинском говоре и в соответствующих словах заменяется через j̄ (дж): jānāvog 'зверь', 'волк' (ženevor), jāḡg 'борьба' (ženḡ), jāju 'еж' (žežule), jāsdā 'прыгать' (žesde, žehde), jīgā 'место' (žige), jīgār 'печень' (žiger), jom 'чаша' (žom), jum 'барбарис' (žūm), javusdā 'жевать' (žuvusde), jūro 'отдельно' (žuro), jurub 'носки' (žurub), ju-hob 'ответ' (žuhob), juhur 'еврей' (žuhur), jūh 'ячмень' (žūh, žūf); в-четвертых, в немногих словах отсутствует айнация, наличная в северном говоре: ataš 'огонь' (atoš), azar 'болезнь' (azor); в-пятых, в немногих словах отсутствует «арабский» h (ح), заменяясь обыкновенным гортанным спирантом h: pāhāni 'густой' (pāhni), hāsrāt 'скука' (hasirot), hāvdā '17' (hāvdeh).

В группах согласных fd, šd, xd, sd, šg (rafda, nūšdāni, soxda, voišdāni, xūšg) мне (особенно в произношении Биророва) часто слышались вместо d и g соответствующие глухие звуки t, k. Когда я просил повторить слово с такой группой, выделяя его из предложения, мне регулярно и весьма отчетливо слышались d, g. Вс. Ф. Миллер отмечает, что в изученном им говоре (т. е. северном, по нашему определению) персидским группам ft, št, xt, st, šk правильно соответствуют формы fd, šd, xd, sd, šg, — но что группы ft, št, xt, st, šk обычно слышатся в говоре еврейской колонии близ Нальчика, а также, по словам Анисимова, преобладают в дербендском говоре.¹ Повидимому, кубинский говор в этом отношении совпадает с дербендским. Но только мне думается, что в указанных группах мы имеем все же не глухие t и k, а тот тип stimmlosen mediae, который наилучше представлен в датском языке, и которые неопытное ухо с трудом отличает от чистых tenues.² Поэтому в предлагаемых текстах я предпочел везде писать — fd, xd, šd, sd, šg.³

¹ Очерк фонетики еврейско-татского наречия, § 55, стр. 30.

² См. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, S. 107.

³ Московский Институт по изучению национальных и этнических культур народов Востока предполагает подвергнуть в своей фоно-лаборатории, при содействии проживающих в Москве татар-евреев, специальному обследованию «спорные» звуки татско-еврейского наречия.

В вокализме — отличия не велики. В северном говоре Вс. Ф. Миллер отметил звуки: ä, который он определял как средний между а и открытым е (а — в англ. 'man'), и е, соответствующий немецкому ä в 'Männer' и русскому э в 'этот'. По его словам, нередко возможны колебания, вследствие взаимного влияния гласных, в степени открытости е этих двух типов. Открытый е он считал самым распространенным звуком еврейско-татского вокализма. В кубинском говоре, по моим наблюдениям, самым распространенным гласным звуком следовало бы считать именно ä, встречаемый в английских словах — 'man', 'had', 'hat', 'rat',¹ а не тот тип открытого е, который мы имеем в немецких словах 'Männer', 'Fälle', 'Bett', 'besser', 'Fest'.² Впрочем, эти два звука настолько близки между собою, что не всегда легко различимы.

Далее, звук ö, отмеченный Вс. Ф. Миллером в нескольких словах северного говора и соответствующий, по его определению, гласному франц. слова 'реу' и немецкого 'schön' (böh 'гусеница', göhrösde 'изменяться', göh 'смелость', ölom 'свет', 'мир', ömür 'жизнь'), мне ни разу в кубинском говоре не встретился; в соответствующих же словах мы имеем в последнем звук ü: 'üloom, 'ümür.

Звук ü встречался мне очень редко, перед плавными, и на мой слух воспринимался не как средний между и и о (по определению Вс. Ф. Миллера), а ближе к и, почти как очень краткий и (bülüt 'облако', būgga 'резать').

Наконец, в кубинском говоре, повидимому, несколько менее строго проводится сингармонизм гласных, чем в северном говоре: hä u 'этот самый', هين (ho u), häzor '1000' (hozor), nä omo 'он не пришел' (no omo), väno 'он положил' (vono), jävusdä 'жевать' (živusde) и т. п.

В морфологии отмечу, что, судя по моим записям, употребителен только один суффикс для мн. числа имен, безразлично одушевленных или неодушевленных, именно ho (duxdärho 'дочери', zänho 'женщины', gähho 'дороги', gofho 'слова'), тогда как в северном говоре мы имеем наряду с ho также un, u (duxdoron, duxdoru).

Сопоставляя кубинские глагольные формы с северными, я могу отметить следующее.³

¹ Его физиологическая характеристика — lfw. См. O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, 4. Auflage, S. 153.

² Он характеризуется как mfw. Ibidem, S. 149.

³ Я в этой статье для глагольных времен употребляю терминологию Вс. Ф. Миллера, в которой perfectum соответствует praeterit'u, а perf. praesens — perfect'u других иранистов.

В *praes. indic.* во 2 и 3 лицах ед. ч. я не встретил сокращенного параллельного образования, имеющего форму причастия прошедшего времени и получившегося вследствие отпадения окончания *-ni*. Таким образом, 'ты покупаешь' передается только через *tū vāgürdāni*, а не *vāgürdā*, а 'он знает' — через *danüsdāni*, а не *danüsdā*.

Наряду с этой обычной формой *praes. indic.* кубинцы употребляют еще другое образование, состоящее из спрягаемых форм слова *ādā* с последующим прошедшим причастием (или *infinitiv*'ом?) глагола. Эта форма указывает, как мне объяснял Бироров, на то, что действие происходит именно в данный момент, а не вообще: 'я слышу' *mā ādām šinirā*, 'ты покупаешь' *tū ādāi vāgürdā*, 'он гуляет' *u ādāi ġāšdā*, 'мы продаем' *imu ādāim furuxdā*, 'вы кушаете' *išmu ādāit xurdā*, 'они играют' *uho ādāt vozi soxdā*. Предложение северного говора *me e i kuk e šüver raخدénüm* 'я иду замуж за этого юношу' — мне было переведено по кубински *mā ādām ā i kuk ā šüvār räfdā*. Эту форму, повидимому, можно сопоставить с формой северного говора, состоящей из *e dere*, которое предшествует формам *praesentis* глагола, и *e dere* и *e dere bu*, предшествующих формам *perfecti* глагола, и сообщающих оттенок начинательности действия или состояния:¹ *me e dere huzerenüm* 'я начинаю окуна́ться'; *merd e dere bu kuke zere* 'der Mensch war im Begriff den Jüngling zu schlagen'. Предложение северного говора: *deniši xon, diri — e dere kuk duxderun üre ovurde* 'посмотрел хан, видит, — юноша ведет его дочерей', — по-кубински передается: *dāniši xon, di, kuk ādāi duxdārho jürā āvurdā*. Происхождение *e dere* было для Вс. Ф. Миллера неясно. Я бы тоже затруднился объяснить кубинскую форму с *ādā*, но мне хотелось бы сопоставить ее с специальным употреблением в современной персидском разговорном языке глагола *daštān* (داشتن), который, как известно, будучи поставлен в *praesens*'е перед *praesens*'ом какого-нибудь глагола, придает последнему значение будущего времени, имеющего вот сейчас совершиться (*darām mirāvām* 'я сейчас вот пойду'), а поставленный в форме *perfect*'а (прош. сов.) перед глаголом в том же времени, сообщает последнему оттенок действия, только что совершившегося (*dašt rāft* 'он только что ушел').

Перехожу к другим временам. В *perfectum-praesens*'е — 3 л. ед. ч. имеет окончание *-i*, а не *-ei*, как в северном говоре: *u vāgürdi* 'он взял'. Формы *praeteriti imperfecti*, отмеченной в северном говоре,

¹ См. Вс. Миллер. Морфология еврейско-татского наречия, стр. 18.

berde bireм я не встретил, но мною записана следующая форма для выражения многократности и длительности действия: *hā bārdām būrūm* 'я напи-вал', *hā omogām būrūm* 'я много раз приходил', *tū hā xurdām biri* 'ты то и дело кушал' и т. д. *Hā* — соответствует персидской частице هَی; вспомога-тельный глагол *birā* поставлен в форме прошедш. совершенного времени (perfect'a), а в формах *omogām*, *xurdām*, *bārdām* я склонен видеть форму инфинитива, в которой восстановился исходный -n, перешедший в губной носовой -m, перед начальным губным смычным (b) вспомогательного глагола.

Формы perfecti inchoativi (прошедшего начинательного) я не встретил. В optativ'e глагольные суффиксы -om, -oš, -o (для ед. ч.) и -oim, -oit и -ošit, -ot (для мн. ч.), между тем как в северном говоре для 2 л. мн. ч. мы имеем только -ošit, а для 3 л. мн. ч. — ošūt или -o (а не -ot, как в кубинском). Futurum periphrasticum имеет в 3 л. ед. ч., так же как и во 2-м, окончание -ini, тогда как в северном говоре -i: *u dūšundānini* 'он будет (он намерен) варить'. В северном говоре futurum от omoge с приставкой *bi*, предшествуя conjunctivus praesentis другого глагола, соответствует употреблению глагола *aller* во французском языке: *me bijom zūhūm* 'je vais vivre'.¹ В кубинском говоре *bijo*, неизменное по лицам и числам, перед praesens conjunctivi другого спрягаемого глагола, выражает скорее обязательность действия, настойчивое пожелание его совершения: *mā bijo xurum* — 'я должен кушать', *tū bijo xunī* 'ты должен учиться', 'чтобы ты учился' и т. д. Отрицание выражается через *nijo*: *išmu nijo tārsit* 'вы не должны бояться', 'да не бойтесь!' Обязательность действия можно выразить и с помощью азербайджанско-турецкого заимствования *ğāğāki* 'надо' и неопределенного наклонения глагола, причем в таком безличном по форме предложении логическое подлежащее ставится, как и в русском языке, в дат. падеже: *māğā ġāğāki (āri) nūvūsdā* 'мне надо написать'.

В своем словаре кубинский говор весьма значительно расходится с северным. В напечатанном в 1928 г. в Махач-Кала (латинским алфавитом) учебнике Худайнатова Закаева «Новый Путь» (*Nugə Rah*) имеется весьма много незнакомых кубинцам слов. Точный учет лексических расхождений в обоих говорах еще не сделан, но очевидно горским евреям придется этим заняться, когда они практически приступят к выработке литера-

¹ В. В. Миллер. Морфология, стр. 15, § 91,6.

турного языка, который был бы вполне понятен и северянам и южанам. По кубинскому говору мне пришлось проработать с Я. И. Бироровым приблизительно около $\frac{1}{2}$ материала, содержащегося в словаре, приложенном к «Материалам» Вс. Миллера. Кроме того, я использовал и слова записанных мною на кубинском говоре текстов. Приблизительный подсчет всего этого материала позволяет мне сделать следующие выводы: 1) примерно 10% понятий выражается в обоих говорах разными словами; 2) к этой категории можно присоединить и около 3% слов, общих по форме, но с видоизмененным значением; 3) примерно 14% общих слов в обоих говорах довольно значительно различаются по своей форме; 4) в кубинском говоре значительно чаще встречаются слова персидского литературного словаря (персидские и арабские), тогда как в северном говоре мы вместо них имеем часто слова турецкие, преимущественно кумыцкого языка, а также, быть может, и других северокавказских турецких наречий; напр.: *ğäšdä* ‘обход’ (*ğezme*), *dävlätmänd* ‘богатый’ (*boi*), *rojä* ‘кол’ (*γozuγ*), *komānčä* ‘струнный музыкальный йструмент, так называемый кобыз’ (*γumuz*), *tärsängoh* ‘трус’ (*γurqač*), *sägruš*, *sägruč* ‘крышка’ (*qorqoč*), *bäbür* ‘тигр’ (*qoplön*), *jilid* ‘лед’ (*buz*), *jivä* ‘ругать’ (*γīnesu*), *qäräz gürdä* ‘прицеливаться’ (*guzlemiš soxdē*), *nohur* ‘озеро’ [نور] (*γul*). Иногда же персидским словам кубинского говора соответствуют в северном слова древнееврейские: *kouš* ‘башмак’ (*darbi*), *čol* ‘яма’ (*töhmek*), *čärg xurdä* ‘кружиться’, ‘кружение’ (*gelgel*), — или же русские: *käläm* ‘капуста’ (*qarusde*); 5) турецкие слова, вошедшие в оба говора, в кубинском — азербайджанские (тюркские), а в северном — преимущественно кумыцкие. Количество древне-еврейских слов в кубинском говоре совершенно ничтожно, как, повидимому, и в северном, и они, главным образом, относятся к религиозному обиходу. Русские слова, внедряющиеся в кубинский говор, заменяют подчас персидско-арабские (*munut* ‘минута’, вместо *däqdäqä*, *žuk* ‘жук’, вместо *gouzarj*, перс. گوزد, *dumit soxdä* — ‘думать’, вместо *fikir soxdä*) или турецкие (*mil* ‘мел’, вместо *bur* в северном говоре) или заимствуются для обозначения новых понятий (*burav*, *burjuj*, *fobrik*, *zavod*, *simovor*, *kinig*).

Слова, относящиеся к животному и растительному миру и к домашней обстановке, сравнительно мало представлены в записанных мною текстах и в текстах Вс. Ф. Миллера. Возможно, что в этих областях в обоих говорах окажется немало разных слов, и тогда общее количество слов, обоюдно непонятных обоим татско-еврейским группам, будет еще больше.

N A Q Û L

XOV ŠOH ABBAS

Je šäv Šoh Abbas je xov di, ämbar mü'ûjuzä xov bu. Diräni ä xov: nušdi ä xori je kälä märe, ä däs ju däri je duraza kälä tijä kordä. Ä pü-šoju hisdi je kälä mä'jümä; ä jon ju hisdi je kälä qäzqu, ä qäd qäzqu däri je kälä tikei dümbä; i kälä märe nušdi inja ä kordärävoz burrani äz dümbei qäd qäzqu, däkündäni ä qäd äni mä'jümä. Šoh Abbas häči diräni ki ä xov — i märe ä sa'athórovoz nä', ä rüzhoróvoz nä', ä hofdähórovoz nä', ä salhórovoz nä', ä sad salhórovoz nä', ä čänd hāzor salhórovoz i kälä märe äz qäd qäzqu o kordärävoz burrani äz dümbä, däkündäni ä mä'jümä, nä qulhoi märe vo mundä, nä kordä kül birä, nä-z qäzqu dümbä värasdä, nä mä'jümä pür birä. I xóvā dirängä Šoh Abbas hē je bo särsónä xuno xäbär biräni äz qäd xov, mundäni mähtäl, nisä va rasirä mä'anoi (ta'bil) äni xová. Gufdiräni äri xüşdä: «Mä šoh än Iron bošum, mä nä danüm i čü xovigä?» Horei zäräni hämmä 'äqülmändho, jon nüšhoi väkilho, väzirhoi xüşdärä, gof soxdäni ärišu xóvā, doräni išürä vä'dä dü hofdä, gufdiräni: «Ägä išmu ärimä tä dü hofdä tä'bil äni xóvā danüsdä mä'lüm nó soxdit gä, mä sārhošmurä äz gärdānhóšmu jüro müsoxum». I 'äqülmändho väkilho, väzirho dü hofdä fikir soxdänüt, čänd jüro minäjihiho soxdänüt, tä'bil äni xóvā nīsa varasiränüt, hič je gófiš nīsa danüsdänüt, bioft je dü gof gújut äri Šoh Abbas. Dü hofdä vä'däš 'girošdäni. Šoh Abbas diräni ki ta'bil xov jurä danüsdogor, äri ju gufdirägor nīsdī, ämbar dül ju xäräb biräni, horei zäräni a jon xüşdä, väkil däs rasdi xüşdärä, gufdiräni äz ju ä qährovoz: «Tü kälä väkil mäni, tü nimei ambardaki xazinei märe ädäi xurdä, keif soxdä ä kiflät türävoz; ägä tü ärimä tä'bil äni xov märe danüsdä ämä mä'lüm nä soxdigä, mä sār türäš im bürüm, zänho 'ailhoi türäš hämmä kiflät türäš müküšüm». Väkil i gofä šinirängä danüsd ki äz lä'ai Šoh Abbas čü vädiromógä, hä häčü mīsoxu; jigär ju hal bisdo, ofdo, dūraz bisdo ä pūšoi poihoi Šoh Abbas, girisd, 'ars rixd, moč soxd poihoi jurä, minät soxd, gufdi: «Ädäm ambar äz tü minät soxdä, jäzuqum mäš, 'ailhoi mäš, u kälä ambära danandäje 'äqülmändho minäjihoi tü nä danüsdärä mä čulam mīdanüm, tü, jon Šoh, rāhm bār ä sār mä nä, ä sār kiflät mä, jäzuqum mä». Šoh Abbas dijäš zijottä qahr gürdäni, hül zäräni väkilä, gufdiräni: «Gof mä jékini! Čü äz lä'ai mä vädiromógä, hä häčü bijo bu!». Väkil dirängä ki dijä minkin uīsdī,

mināt soxdáni az Šoh Abbas, gufdiráni: «Hä ču biräki vä'dä di mārā, mā būram vilajäthorä gärdüm, bälki az üzgä vilajäthoigä, bälki ofdum je danandä, je 'aqlmänd danüsdogor tä'bil äni xov türä». U mähäli Šoh Abbas dü mäh vä'dä doráni väkilä, gufdiráni: «Búra, tä dü mäh dan tä'bil xov mārā, bijo gu äri mä; ägä tä dü mäh tü tä'bil xov mārā danüsdä omorä äri mä nä gufdirigä, mä zänho 'ailhoi türä hämmärä müküşüm». Väkil växüşdäni, sär zäräni, moč soxdáni däshoi šohä, rafdäni ä xunei xüşdä. Väkil omoräni ä xunei xüşdä, gof soxdáni hämmäi äni bädbäxdä ixdilotä äri zänho 'ailhoi xüşdä, gufdiráni az zän xüşdä: «Äri mä hüzür sox xuräg äri dü mähi. Dü sär heibä sürx mä būram ä dūrä rähho, ä dūrä vilajätho, bälki mä je kor danüsdüm, i tä'bil xov šohä danüsdüm, omorum gufdürum äri šoh, išmürä az ülüm xjlos soxdum». Zän ju hämmäi äni väkil gufdirähörä hüzür soxdäni, girisdänüt, 'ars rixdänüt, moč soxdänüt dü jekirä, soq boši gufdiränüt dü az jeki. Väkil jähär soxdäni 'asb xüşdärä, vä gürdäni heibä nä xuräg räh xüşdärä vä nüsdäni ä 'asb, gänä duborä moč soxdäni zänho 'ailhoi xüşdärä, soq boši gufdiräni, ä räh ofdoräni, rafdäni ä räh xüşdä.

Väkil ä räh ofdoräni, rafdäni az í dih o ú dih, az í šähär o ú šähär, az hämmä dirägorho, šinoxdogorho pürsiräni, ä či jo, ä komin jo, ä komi šähär, ä komi dih danandä 'aqlmänd minajib därigä, az hämmä pürsiräni ä säribäti xov Šoh Abbas nän (nä-än) tä'bílju, hič je ädomiš danüsdogor ä ju mä'lüm soxdägor ofdä nisa omorä. Häči je mäh nim zijottäš väkil gäšdäni, mundäni ovorä dih bä dih, šähär ba šähär, ulkä bä ulkä. Äxir je kämlei rüzho mundäki äri tomom birä dü mäh vä'dä ju, väkil damundäni ä xüşdä, dunit soxdäni ču čorä soxügä; vä'däš varasdi, tä'bil xoväš nä danüsd; imhoi čolam ju mogordü, morav ä rūi parčoh? Ägä na raftgäš, šoh hämmä kiflät jurä kušdänini. Äxir äri xüşdä gufdiräni väkil: «Mä iñqädä mähäl gäšdäm, hämmä kalä šähärhörä hič je gof nä danüsdäm, az im baqdäigä mä ču miđam (miđanüm)? Xubi ki mä vogordüm, būram (boram) az šoh je minät soxum, bälki ä mä baxšlämiš soxd; ägä ä mä nä baxšigäš, mä būram ä kiflätmä-rävoz, hämmäimurä šoh ä jeki küšü gu, mä mürdäi kiflät mārä vünüm». Väkil vogošdäni päsovo äri rafdä ä xunei xüşdä.

Väkil päsovo vogošdäki vogošdäni az je rähigä, vä nüsdäni ä 'asb xüşdä, hei soxdäni řaz säbäh mundä tä šähangum, hič nä pojisdä rafdäni. Šähangum püşoi řav (řäu) torik nä birä omoräni, rasiräni ä piřoi än je čüklä dihlä. Ä püşoi äni dih bu nikärä. Väkil mijost girošdä nikärärä, řarafdä ä dih. Väkil imbürüz bitäv (bitäv) rüz 'asbä hei soxdä bu, 'asb soxdä bu

äräq, juš gisnä täšnā vomundā, hämma ju' äräq girošd nikārārā. Ä giroš-däki he jobo (he je bo) ä u qiroq nikārā dirāni je räčā gügčägā varajusdā duxdār, ädäi äz biloq ä jom sürxírávoz támízä zümzümijä ov (ow) pür soxdā sovui xüşdārā. Vākil dirängä i xúbä duxdārāš i jom sürxí jurāš, vākilä dijāš 'säxd täšnā birāni, ä häväs omorāni, vo isdāni jurā äri xurdā äzi xīnīkā zümzümijä ov (ow) biloq o u jom sürxírovoz; nāznik rafdāni ä jon duxdār, saḷam dorāni jurā, šäü ä xeir dorāni. Duxdār vogordundāni saḷam jurā. Vākil äz i duxdār gufdirāni: «Ei xúbä duxdār, o u jom surxītúrovoz je qob äz u xīnīkā ov (ow) biloq di mārā, xurum». Duxdār dirängä i mardā, xub dāniširāni ä ju xuni-xuni, vāxüşdāni, gāšdāni äz qiroq nikārā, ofdāni je kühnā xurdā mordāla qob, vāgürdāni, ovurdāni äz qiroq biloq äz lihāja jigā ju ä qāriš ju pür bühülüho pür soxdāni qobā, bārdāni, dorāni ä dās mard äri xurdā.

Dirängä vākil i kórā, ambar māhtāl mundāni, gufdirāni äz duxdār: «I čü kóri? Tü nisa dirā bāgām (nābuga) mā kinūmgā? Tü mārā o u mordāla qob, äz u mordāla jigēi ov čūlam dorā?» Duxdār šinirängä i gófa äz vākil poisdāni, daniširāni ä sifāt ju, xāndüsdāni, gufdirāni äz ju: «Lojīqitü i qob nä i lihāja ovi». Vākil i gofa šinirängä i xāndüsei duxdārāš dirängä, sār xüşdārā quz gurdāni, girisdāni, gufdirāni: «Hālbāt ki ä i rūz mundängä hämmāš ä mā mīxāndü, hämmāš ä mā ruxšānd mīsoxu». Bāqda duxdār gufdirāni äz vākil: «Tü vākil parčóhi, tü 'aqūlmāndi, tü dānandā-i, omo u 'aqūlhóitü, u dānāndājāhóitü ä híčiš nivārzü. Tü xušdāntü xüşdārā xāndā i ruxšāndi soxdā i, māš ādām imhoi ä tü xāndüsdā ruxšānd soxdā». Vākil i gofhórā šinirängä ambar māhtāl mundāni, pürsirāni: «Tü äz jā dānüsdi ki mā vākil parčóhüm, kí gufdiri äri tü, kí mā'lüm soxd ä tü?» Duxdār gānā du borāš xāndüsdāni, gufdirāni äz ju: «Mā dānüsdānüm tü kímigāš, är čü omorēi gāš, čü dānüsdeí gāš, o u sābāb güro mā imhoi ādām xāndüsdā, ruxšānd soxdā, ä naqāna 'aqūlsúzā vākil parčoh». Vākil gānā i gofhóro šinirängä äz duxdār ambar ä kālā 'ājōibírávoz pürsirāni äz ju: «Čūlam? Tü dānüsdāni mā (ä)r(i) čü omorām gāš?» «Hālbāt ki dānüsdānüm», — gufdirāni duxdār — «hā tāhno xov (xow) parčóha nāsdānüm (nisa dānüsdānüm), gānā tā'bil xóvāš dānüsdānüm». Hā ki vākil i gófa šinirāni, u sa'atdā äz 'asb (asp) fūr omorāni, dūraz birāni ä pūšoi duxdār, mināt soxdāni ä ju ki mā'lüm soxu ä ju tā'bil xóvā. Duxdār juhob (johob) dorāni, gufdirāni: «Nā', mā hei sa'at äri tü tā'bil xovā gufdirā nídām (ní dānüm); čünki tü äz rāh omorā -i, vo mundā-i, hālā imišev (imišew) bíjo xisi (xīsi), rāhāti soxi, vo

mundäi türä vâsdoni, vâgiri, baqda säbäh mä ä tü mä'lüm mîsoxum tä'bil xóvâ, baqda tü dülšor dülđinj mógordi, murai ä jon parčoh nä ä rūi kiflat tü». U sa'atdä väkil växüşdáni, vä nüšdáni 'asb, duxdăriš sovui xüşdärä pür soxdáni ov äz bilâq (büloq), rafđánüt här düšu ä jeki ä xunei duxdär.

Sär šäv omoránüt här düšu ä xunä, duxdär đarafđáni ä püşo, vo kurđáni dārħórä, väkil đarafđáni ä päšä ju ä mähälä. U sa'at duxdär đarafđáni ä xunei xüşdä, noráni sovui xüşdärä, vädiromoráni o buru, väsdoráni 'asp väkilä äz däs ju, dābārdāni ä govdu, ä pušoi 'asp noráni gijov (gijow), xub đinj soxdāni 'asbā, vädiromorāni, horei zārāni väkilä, đarafđánüt ä xunä. Märd, ä xunä đarafđāngä, đirāni xunārä, ambar mähťäl mundä, đirāni ki ä xunä hič kās nä đār äz i duxdär baqai, xunä ambar rač varajusdä; u sa'at duxdär đašāndāni dūšāg pārgu, gufđirāni äz mārđ: «Nüşü». Märd nüšdāni. Duxdär pür soxdāni jom surxírä, tāmízä xiníkä ov (ow) zimzimi ovurdāni, norāni ä püşoi väkil āri xurdä ju, rafđāni, pür soxdāni simovorä ov āri čoi dūšundä. Väkil i korä đirāngä ambar mähťäl mundä, gufđirāni āri xüşdä: «I čü kóri, o xunei āni hič kās nādä, xunä ä bāxdavārírjov varajusdä, baqđä ki mārä i duxdär ä nikārä ä je murđāla qob lihāja ov do, injo ä xunä ju xüşdān ju āđai mārä xub qulluq soxdä, o xunä omorāngä ä jom sürxi mārä ov do, i čü kóri! Báłki i duxdär je tāmízä duxdär nä bu, bálki i je qāhbä bu, mārä furmundä bu, ovurdä injo, ä xunei xüşdä āri pul mārä taraš soxdä. Xúbi ki mä je dov (dow) pürsüm äz ju, xub đanüm!» Horei zārāni duxdārä, pürsirāni: «Ei duxdär, bāxšlemiš sox, 'aib nä bu mä äz tü pürsüm, tü bāgä injo ä i xunä tājno dābirä»? Duxdär juhob dorāni, gufđirāni: «Nä'! Mārä bābāš hisd (hist), dādä-iš hisd, je büróriš hisd». Baqđä väkil pürsirāni: «Xub, baqđä ājājūt uho?» Duxdär gufđirāni: «Här märd rafđāt o kor xüşdä. Bābāi mä rafđi āri xārj vāčirä, dādei mä rafđi āri hājo ovurdä; biror mä rafđi ari 'aql vāsdorä». — Väkil šinirāngä i gofħórä dāmundāni ä xüşdä fikir soxdāni: «Iho čü gofħó-i, mä šinirānüm äz i duxdär»? Väkil ä i fikir soxdä mähäl simovor dūširāni, duxdär ä peilāhoi sürxi čoi dākūndāni, dānorāni āqād potnus sürxi, ovurdāni, ä püşoi mārđ norāni, gufđirāni: «Vāgi, čoi xu, teitā bābā, dādei mä omorä». — Märd gufđirāni: «Mä ä xunei tü híčiš xurdä níđam (níđanüm) teitā xov parčóhā nāđanüm, čúnki dül mä ambar xārābi, ä dül mä či ní đarov (đarow), äz buqoz mä híčiš nírov (nírow). Tü ävvāldān āri mä tä'bil xóvā gof sox, mä đanüm, dül mä đinj bu, baqđä hārčiš mídān xurdä». — Duxdär gufđirāni äz ju: «Dül tü đinj boš bu, mä tä'bil xóvā múgujum āri tü, omo säbäh säbäh mundä múgujum, tü hālā

imišev (imišew) xu, xis, rāḥati sox tā sābāḥ». Ä i 'araluq hejebo šinirā omorāni āz buru ses ziqziq 'arabā. Duxdār vidovusdāni, vaḍarafdāni ā pūšo rāḥi. U vāxti diromorāni je kālā mārđ, kālā pāpāx kendusdoni ā sār ju, tirjox o poi-ju, pisi čuxo ā tāt ju, qirmoj ā dās ju, ā i dāsigā ju nā ā dāshoi duxdār zāmbilhoi jemiš pūr, diromorānūt ā xunā. Vākil i kōrā dirāngā gānā fikirlū birāni; āz u baqdā dirāni — diromo ā xunā je kālā zān, hāmmā partalhóju sipi ordi, o kul ju je čāntei ord, ādāi omorā āz jāsišov (jāsijow); ā pāsei ānu diromorāni je jōhīlā kuk, hāždāḥ — bisd salā, o qultuq ju kinigho dāri. Vākil i kōrā dirāngā ambar mundāni māhtāl, gufdirāni āri xūšdā: «I čū kōri, mā ājā ofdorām? Duxdār āz mā gufdirā bu, bābei mā ā xārj vāčirā rāfdi, mā mugum — bālki je xōni-gā, i je 'arabāči kendusdon bisdo; dādāšu āz jāsišov ādāi omorā, duxdār gufdirā bu — ā hājo vāsdorā rāfdi; būror ju — āz xundā ādāi omorā; duxdār gufdirā bu — ā 'aqūl vāsdorā rāfdi, i čū kōri? Mā āgā i korhōrā nā ḍanūsđum-gā, mā para imbošum». U sa'at mārđ (sāhibxunā), zān-nā kuk omorānūt, dās vākilā gūrdānūt, xoš omori soxdānūt, nūšdānūt ā jon ju. Bābā gufdirāni āz duxdār: «Zu boš, čoi bijor, bini, xurāg ḥazūr sox, bijor, bini, xurim ā mihmūrāvoz». — Duxdār gufdirāni: «Hār čī ḥazūri, jon bābā». Rāfdāni, ovurdāni, sūfrā dašāndāni duxdār, norāni hār čirā ā pišo šu āri xurdā. Bābā gufdirāni āz vākil: «Vāgi, vākil parčoh, dās kāš, sār gi čī xu; baqdā vāxi (vāxiz), dāgārd, xis, rāḥati sox, čūnki tū ambar durā rāḥ omorei, vomundā jofa xurdeī». Vākil āz bābāš i gofhōrā šinirāngā ambar māhtāli da mundāni, ā xūšdā fikir soxdāni: «I čū kōri, iho hāmmāi āniho āz jā (āz čī jo) ḍanūsđānūt ki mā vākilūm, mā durā rāḥ omorām, mā ā čū qulluq omorām, i čū korho i, bālki iho minājibho būrūt? Nā', nā', mā injo čī ni xorum, teitā joqini āni kōrā nāḍanūm». — Gufdirāni āz mārđ: «Mā ā xunei tū (o xunei tū) hičiš nī xorum teitāki nāḍanūm i duxdār tū čū adomīnigā, minājibi gā, nābuga, ḍanandā-igā, čūnki mā āz duxdār tū jūr bā jūr (jūro bā jūro) gofho ādām šinirā». — I gofho vākil gufdirāngā hāmmāšurā xāndā gūrdāni, xāndusdānūt. Duxdār gufdirāni: «Tū hič āri tū āzini šākiye fikirhōrā māsox! Mā hič vāxdiš minājib nisdūm, ānjāq mā ḍanandā jūm, hār kōrā ḍanusdānūm, čū āri tū šākiye gof hisdi gā, pūrs āz mā, mā ā tū mā'lūm misoxum». — U vāxdi vākil pūrsirāni āz duxdār: «Tāvāqā soxdānum āz tū, tū sūfdā ā mā mā'lūm sox ki tū mārā ā nikārā, ā jom sūrxiřivoz āz tāmizā ov (ow) biloq āri čū nā dori, ā je murđāla qob lihāja ov (ow) dori»? — Duxdār gufdirāni: «Čūlami tū 'aqūlmāndā vākil parčoh hisdi ki tū ullārāš nā varasirāngā? Mā gujum āri tū, mā tūrā ār čū nā

dorumgä ä qob sürxj äz ov büloq: čünki mä dürüm, türä řap täšnä bu, tüš vo mundä biri, hämmä jändag tü äräq bu, ägä mä türä tämízä ov o qob surxj mi dorumgä, tü u växdi häm ä tämizi ov güro, häm ä xīniki ov güro, vä häm (hamdäki) ä häväs qob sürxj güro, ä jigei je qob muxurdi sä qob, u växdi ä tü dägmīš imbūsdō (türä dägūndi mūgurd) ov, xīnik imbisdo türä, čünki hämmei tü äräq bu; u växdi tü azarlu imbisdori. O u säbāb güro mä türä o vohnārāvoz ä gof gürdüm, dir soxdum, ä mordāla qob ov durum, čünki mä danūsdüm ki tü ä mordāla qob ov nä xuri. Ä i dirbireirevoz äräq tü däpiči teitä ä xunä omorä, jändag tü xūšg bisdo äz äräq, imhoi omorim ä xunä mä äri tü hāzür soxdum čoi, čāṇqādä türä voīsdgä, xu, hič ä tü je zārāliš ni zānū. — Gānā väkil pürsirāni äz duxdär: «Xub, imhoi tü gu äri mä, bābāšmu ‘arabāči kendūsdon hisdi-hisdi, tü äri mä čūlam gufdiri ki «bābāimä ä xārj väčirä rāfdi»; mä hā čī varasūrüm ki bābāšmu je xōni». — Duxdär juhob dorāni: «Hälbät ki bābāimu xōni äri xūšdä, rāfdi ä xārj väčirä äz mülkhoi xūšdä; äz här boq, äz här mülk je jemiš, je bāhär pūr soxdi, ‘arabārä ovurdä (owurdä), xārj xūšdārä väčiri, ovurdi äz mülkhoi xūšdä». — Gānā väkil pürsirāni: «Xub, dādāšmu ä jāsijov rāfdi, äri gāndum kāširä, ord ovurdä. Tü äz čū gufdiri ki — «dādāimu ä hājo vāsdorä rāfdi?» — Duxdär juhob dorāni, gufdirāni: «Hälbät ki dādāi mu rāfdi, hājo ovurdi. Ägä dādāimu imišev rāfdä ä jāsijov ord kāširä nijovurd gä, imūrä imišev taza nun ni bisdo äri norä ä pūšoi tü, tü säbāh rāfdāṅgä mu gufduri (gufdiri): «Vīniš čū hājosūzä zān buga, ä pūšoi väkil parčoh kühnä nun norä bu!» Mä'lüm birāni ki dādāi mu hājo ovurdi: — «Gānā väkil pürsirāni: «Büror tü äri xundä rāfdä bu, tü čūlam gufdiri ki «büror mä äri ‘aqūl vāsdorä rāfdi?» — Duxdär juhob dorāni, gufdirāni: «Hälbät ki büror mä rāfdi äri xundä, mūxunu, ‘aqūl mómuxu, bābā pul dorāni, u xundāni. Mä'lūmi ki u rāfdi äri ‘aqūl vāsdorä». I gofho varasdāṅgä väkil danūsdāni ki joṇin duxdär minājib nīsi, ānjaq danandā-i; gufdirāni äz 'dūxdär: «Mä imhoi danūsdum ki tü ambar danandājä 'aqūlmāndä duxdāri. Mä joṇin danūsdānüm ki tü tä'bil xov parčohāš miḍai danūsdä, ä mä mä'lüm soxdä, omo äz tü ādām ambar tävāqā soxdä, tü ä mä mä'lüm sox tä'bil xov parčohä, dülmä diṇj bu, mä imišäv ä xunāšmu ä rāhati, ä düldiṇjirjov xurum, xūsūm (xīšūm)». — Duxdär šinirāṅgä i gōfä, gufdirāni: «Bāxšlāmiš sox tü ä mä, väkil parčoh, tü hālā gānāš 'aqūlmānd nä bisdōri, čünki tü ādāi äz mä gufdirä — tä'bilä mä'lüm soxum ä tü. Nā', mä ä tü imišäv tä'bil xōvā mä'lüm soxdä nīḍam, čünki ägä mä ä tü tä'bil xov šohä mä'lüm soxdum gä,

dül tü tä'adi mísoxu, dijä imišäv ni xîsi injo, zu mûrai äri mä'lüm soxdä ä šoh. Čünki tü ambar dülapäsei kiflät tûni». — Čäŋqädä väkil minät soxdgäš ä duxdär, gänä 'amäl nä omo, duxdär tä'bil xovä äri ju nä gufdi. Čoraï väkil nä bisdo, här čûlam giri dül päsä jum päsä, xurd či xüşdärä, växüşd, rafd dägäšd xîsi tä sâbâh. Sâbâh mundä az zunsäri duxdär växüşd, simovor väno, čai hazûr soxd, xoräg sâbâhîrâ hazûr soxd, süfrärâ dâšänd, hazûr soxd här čirä, no, rafd, väkilä xâbär soxd, vä xüzund. Väkil xâbär bisdo, växüşd, tärä tä'adi, dâsrûi xüşdärä šušd, nijmoz xüşdärä xund, nüšd ä sâr süfrä, šâr gürd čoi, či xüşdärä xurd, süroï bisdo, växüşd, däs poi xüşdärä šušd, vokurd partal xüşdärä, hazûr bisdo äri rafdä. Gufdi äz duxdär: «Tävâqä soxdânüm, mārä dijä dir mäsox, mārä tä'adîni. mä dülpäsei kiflätüm, gu äri mä tä'bil xov šohä, mä danum, zu (zutä) buram, mä'lüm soxum ä parčoh, kiflät mārä xîlos soxum». — Duxdär gufdirâni äz ju: «Xub, vokun partal türä, jähär sox 'asp ('asb) türä, vä nüš o kul 'asb tü, mo gujum äri tü tä'bilä, tü bura!» — U sa'at väkil jähär soxdâni 'asbä vä nüšdâni o kul 'asp; gufdirâni äz duxdär: «Mä hazûrüm, ädäm rafdä, gu gof türä!» — Duxdär gufdirâni: «Bûra, gu äz parčoh: tä'bil xov tü hâčîni: «U kälä mærd — mal'ox hamovîti, 'Azroïli, qâzqu — dinjôhi, dümbä — insonho-i, mä'jumä — xorîni. I hisdi ta'bil xow (xov). Här či ädäi burbunda xov: Dünjoh inson pûre, čäŋqädä 'Azroïl (mal'ox hamovit) insonhörä kušdânigäš, dâšândâni-gäš (dârafdânütgäš) ä xori, nä qul mal'ox hamovit vomundä, nä kordä ju kül birä, nä insonho äz dünjoh varasda, nä xori äz mürdäho pûr birä; ini-hämmä tä'bil xov parčoh; bûra, zu mä'lüm sox, kiflät türä xîlos sox. Mä danusdânüm, išmu mijôit ä päseimä; amo hâlä zu mäjoit tä je mäh. Bûral Râh tü nik, soq boši!» Väkil čarundâni sâr 'asbä, hei soxdâni, gufdirâni: «Soq bošit, mä rafdüm!» — Rafdâni.

РАССКАЗ

СОН ШАХА АББАСА

Однажды ночью шах Аббас увидел сон, очень удивительный это был сон. Видит он во сне — сидит на земле старик, в руке его находится длинный большой острый нож, а перед ним — большой поднос, а рядом с ним большой котел; в котле находится большой кусок бараньего курдюка; старик этот сидит там и ножом отрезывает (куски) от курдюка (находящегося) в котле, и бросает их на поднос. И так видит шах Аббас во сне: тот старик не часами, не днями, не неделями, не годами, не сотнями лет, а многими тысячами лет ножом отрезывает (куски) от курдюка из котла и бросает их на поднос, и при этом ни руки (этого) человека не устают, ни нож не притупляется, ви курдюк в котле не приходит к концу, ни поднос не напол-

няется. Увидав этот сон шах Аббас внезапно, как сумасшедший, просыпается и остается в недоумении и не понимает смысла (не доходит до истолкования) этого сна. Он говорит сам себе: «Как это я, будучи шахом Ирана, не узнаю, что это за сон?». — Он зовет всех своих умных приближенных векилей (доверенных) и везирей (министров), рассказывает им этот сон, дает им срок две недели и говорит: «Если вы до истечения двух недель мне истолкования этого сна не узнаете и не сообщите, я ваши головы отделю от ваших шей». Эти умные векили и везири две недели думают, но каких только хитростей ни делают, истолковать этого сна не могут, никаких слов они не знают, чтобы (могли) притти и хоть одно-два слова сказать шаху Аббасу. Две недели срок проходит. Шах Аббас видит, что нет человека, умеющего истолковать его сон и ему сказать. Очень он сердится (букв. сердце его разрушается) и призывает он к себе векиля — свою правую руку — и говорит ему с гневом: «Ты мой старший векиль, ты большую половину моей казны расходешь на себя (букв. съедаешь) и наслаждаешься со своей семьей. Если ты разъяснения этого моего сна, узнав, мне не сообщишь, то я твою голову отрежу, жен, детей твоих, всю семью твою убью». Услышав эти слова, векиль понял, что, из уст шаха Аббаса (если) что вышло, он так и сделает; он очень испугался (букв. печень его растаяла), бросился на землю, растянулся перед ногами шаха Аббаса, заплакал, пролил слезы, поцеловал его ноги, умолял и сказал: «Я тебя очень умоляю, я — жалкий (человек), и я и мои дети! Ведь то, что все те твои знающие мудрые отгадчики не узнали, как же я узнаю! Ты, душа, шах, помилуй меня и мою семью! Несчастный я (человек)!». — Шах Аббас еще больше гневается, векиля толкает и говорит: «Слово мое одно! Что из уст моих вышло, так оно и должно быть!». — Векиль, видя, что ничего не поделаешь (букв. ничего не возможно), умоляет шаха Аббаса и говорит: «В таком случае дай мне срок, я поеду, буду странствовать по странам, может быть, из других стран я найду какого-нибудь ученого, какого-нибудь мудреца, (который) разъяснит этот твой сон». — Тогда шах Аббас дает (ему) срок два месяца и говорит: «Ступай, до истечения двух месяцев узнай истолкование моего сна, приди и мне скажи; если же до истечения двух месяцев ты истолкования моего сна не узнаешь, не придешь (обратно) и мне не скажешь, я жен и детей твоих всех казнию». Векиль встает, кланяется до земли (букв. бьет головой), целует руки шаха, идет к себе домой. Векиль приходит в свой дом, рассказывает всю ту злосчастную беседу своим женам и детям, говорит своей жене: ¹ «Приготовь мне пищу на два месяца и два мешка золота. Я поеду по далеким дорогам, в далекие страны; может быть, я что-нибудь узнаю, истолкование сна шаха узнаю, приеду и шаху скажу, вас от смерти спасу». Его жена все, что векиль сказал, готовит. Они плачут, слезы проливают, друг друга целуют, друг с другом прощаются (букв. говорят друг другу «будь здоров»). Векиль седлает своего коня, берет мешок с дорожной своей пищей, садится на коня, опять вторично целует жен и детей своих, прощается с ними, пускается в путь, едет своей дорогой.

Векиль пускается в путь, едет из одного (букв. этого) селения в другое (букв. в то), из одного города в другой, всех кого видит, с кем знакомится, расспрашивает, где, в каком месте, в каком городе, в каком селении есть знающие, умные отгадчики, всех он расспрашивает относительно сна шаха Аббаса и его истолкования, (но) ни одного человека знающего, ему могущего (ч. н.) сообщить, он не находит. Таким образом, больше полутора месяцев векиль разъезжает, все бродит из селения в селение, из города в город, из страны в страну. Когда уже совсем мало дней остается до истечения двухмесячного срока, векиль, оставшись сам с собою, думает, что же ему (теперь) предпринять: срок кончился, а истолкования сна он так и не узнал; как же он теперь возвратится, пойдет перед лицом шаха? Если же он не пойдет (к нему), то шах всю семью его непременно убьет. Наконец векиль сам себе говорит: «Я столько времени странствовал по всем большим городам и ни одного слова не узнал; после всего этого, что я еще узнаю? Лучше, чтобы я возвратился, пошел, умоляя шаха,

¹ Очевидно старшей.

может быть он меня простит; если же он меня не простит, я пойду (к нему) с семьей моей, пусть шах всех нас вместе убьет, я же, умирая, семью свою хоть увижу!». Векиль поворачивает назад, чтобы ехать к себе домой. Повернув назад, векиль возвращается по другой дороге. Садится он на своего коня, погоняет его с утра до вечера, едет, не останавливаясь. Вечером, перед наступлением ночи, пока еще не стало темно, он доезжает, подъезжает к одному небольшому селению. Перед тем селением была речка. Векиль должен был переехать через (эту) речку и въехать в селение. Векиль в тот день весь день лошадь погонял, лошадь вспотела, он также голодный, жаждущий, усталый, весь в поту переехал через речку. Когда он ее переехал, вдруг он видит на том берегу речки красивую, прекрасную¹ нарядную девушку; она из источника золотой чашкой наливает чистую журчащую воду в свой кувшин. Когда векиль увидел эту прекрасную девушку и также ее золотую чашку, у него еще больше усиливается жажда, приходит охота пить, появляется желание попить той прохладной журчащей ключевой воды из той золотой чашки. Он подъезжает к девушке и ее приветствует (букв. дает ей салам). Девушка отвечает на его приветствие (букв. возвращает ему его салам). Векиль той девушке говорит: «Эй, прекрасная девица, из этой золотой чашки твоей той прохладной ключевой воды дай мне испить!». Девушка, увидев того человека, смотрит на него пристально-пристально, встает, идет по берегу речки, находит старую разбитую грязную посудину; приносит ее и с берега ключа, в мутном его месте, которое полно насекомых, водой наполняет посудину, несет и дает в руки человеку попить.

Векиль, видя это, очень изумляется, говорит девушке: «Что это такое? Разве ты не видишь, кто я такой? Как же ты дала мне воды из той грязной посуды, из того грязного места?». Девушка, слыша эти слова векиля, встает, смотрит ему в лицо, смеется и говорит ему: «Тебе подобаеет эта посуда с этой грязной водой!». Векиль, услышав эти слова и видя смех девушки, опускает свою голову, плачет и говорит: «Конечно, когда я в таком положении, все надо мною смеются, все надо мною издеваются». Тогда девушка говорит векилю: «Ты векиль шаха, ты умный, ты ученый, но эти умы твои, эти знания твои ничего не стоят. Ты сам себя сделал предметом смеха, посмешищем, и я теперь над тобой смеюсь, издеваюсь». Векиль, услышав эти слова, крайне удивляется, спрашивает: «Откуда ты узнала, что я векиль царя, кто сказал тебе (это), кто сообщил тебе?». Девушка снова, вторично смеется, говорит ему: «Я знаю, кто ты такой, для чего ты пришел, что ты узнал, по этой причине я теперь смеюсь, издеваюсь над невежественным, глупым векилем падишаха». Векиль снова, услышав эти речи от девушки, с очень большим изумлением ее спрашивает: «Ты знаешь, для чего я пришел?». — «Конечно, знаю» — говорит девушка; — «я не только знаю сон шаха, но знаю и истолкование сна». Как только векиль это слово слышит; тотчас с лошади слезает, простирается перед девушкой, умоляет ее сообщить ему истолкование сна. Девушка отвечает, говорит: «Нет, я сейчас тебе истолкование сна сказать не могу, потому что ты пришел с дороги, устал; теперь эту ночь ты должен поспать, отдохнуть, усталость свою (с себя) снять, потом утром я тебе сообщу истолкование сна, потом ты с радостным сердцем спокойно возвратишься, поедешь к шаху и к твоей семье». Тогда векиль встает, садится на коня, а девушка свой кувшин наполняет из источника, и оба они вместе направляются в дом девушки.

К началу ночи приходят они в дом. Девушка идет впереди, открывает ворота; векиль въезжает за нею следом во двор. Тогда девушка входит в свой дом, ставит свой кувшин, снова появляется наружу, берет лошадь векиля из его рук, вводит ее в стойло, перед лошадью кладет траву, хорошо устраивает лошадь, выходит, зовет векиля; они входят в дом. Векиль (букв. человек), войдя в дом, его осматривает, очень изумляется, видит, что в доме никого нет кроме этой девушки, дом очень красиво убран. Тогда девушка расстилает тюфяк из лебяжьего пуха, говорит человеку: «Садись». Тот садится. Девушка наполняет золотую

¹ Güçsâg, по объяснению Биророва, значит 'белолицая и румяная'.

чашу чистой прохладной журчащей водой, приносит, ставит перед векилем ему для питья, идет, наполняет самовар водой, чтобы вскипятить чай. Векиль, видя это, очень изумляется, говорит сам себе: «Что это такое! В доме ее никого нет, дом убран с великолепием. После того, как эта девушка мне из ручья из грязной посуды дала мутной воды, здесь в своем доме она сама мне хорошо служит, придя домой мне из золотой чаши воды дала, что это такое? Может быть, эта девушка не чистая девушка, быть может, она публичная девка, меня обманула, сюда привела в свой дом, чтобы деньги мои отобрать. Лучше я ее разок спрошу, как следует (все) узнаю!». Он зовет девушку, спрашивает: «Эй, девица, извини (меня), да не будет стыдно, что я у тебя спрошу, ты разве здесь в этом доме одна находишься?». Девушка отвечает, говорит: «Нет. У меня есть отец, есть и мать, есть и брат». Тогда векиль спрашивает: «Хорошо. Тогда где же они?». Девушка говорит: «Каждый из них пошел по своему делу. Отец мой пошел налоги собирать, мать моя пошла честь принести, брат мой пошел ум покупать». Векиль, услышав эти слова, задумывается, размышляет: «Что это за слова, которые я слышу от этой девушки?». В то время как векиль это думает, самовар закипает, девушка наливает чай в золотые чашки, ставит на золотой поднос, приносит, ставит перед векилем, говорит: «Бери, пей чай, пока не придут мой отец с матерью». Векиль говорит: «Я в твоём доме ничего пить не могу, пока истолкования сна паха не узнаю, так как сердце мое очень расстроено, в живот мне¹ пища не входит, через горло мое ничего не проходит; ты сперва объяснение сна мне скажи, чтобы я (его) узнал, чтобы мое сердце успокоилось, а потом всякую пищу я смогу съесть». Девушка ему говорит: «Пусть твое сердце будет спокойно, я тебе истолкование сна скажу, но только скажу завтра утром, а ты теперь сегодня вечером кушай, ложись спать, отдыхай до утра». В это время он вдруг услышал — доходит снаружи звук скрипа арбы. Девушка бежит, идет вперед, на дорогу. Тогда показывается старик: деревенский папах на его голове, кожаные лапти на его ногах, овчинная шуба на его теле, кнут в его руке, в другой же руке его и в руках девушки корзины, полные фруктов. Они входят в дом. Векиль, видя это, снова задумывается, потом глядит — вошла в дом старуха, все платье ее в белой муке, на спине ее мешок с мукой, она только что пришла с мельницы, — а за нею входит молодой (ее) сын, 18—20 лет, под мышкой у него книги. Векиль, увидев это, очень удивляется, говорит себе: «Что это за дело, в которое я попал! Девушка мне сказала: „Отец мой пошел собирать налоги“. Я говорю себе — быть может, он какойнибудь хан, а он оказался деревенским аробщиком! Мать ее — пришла с мельницы, а девушка сказала (что) она пошла покупать честь! Брат ее пришел с учения, а девушка сказала, — он пошел покупать ум! Что же это такое? Если я этого не узнаю, я разорвусь на куски!». В этот час приходят хозяин дома с женой и сыном, берут векиля за руку, говорят ему: «Ты добро пожаловал», садятся возле него. Отец говорит дочери: «Поскорее чай принеси, поставь, пищу приготовь, принеси, поставь, мы покушаем с гостем». Дочь говорит: «Все готово, голубчик отец!». Она идет, (все) приносит, скатерть расстилает, ставит перед ними всякие кушанья для еды. Отец говорит векилю: «Возьми, векиль царский, протяни руку, начинай кушать, потом встань, ложись спать, отдыхай, так как ты очень длинный путь проехал, устал, изнемог». Векиль, услышав эти слова отца, пребывает в изумлении, размышляет про себя: «Что же это такое? Они все это откуда знают, что я векиль, что я прошел длинный путь, для какой службы я приехал? Что это такое? Может быть, они угадчики? Нет, нет! Я здесь пищи есть не буду, пока наверное этого дела не узнаю». Он говорит человеку (старiku): «Я в твоём доме ничего есть не буду, пока я не узнаю — эта дочь твоя что за человек, отгадчица ли она, или же ученая (знающая), так как я от твоей дочери разного рода слова слышу». Когда векиль произнес эти слова, их всех охватил смех. Они смеются, (а) девушка говорит: «Ты таких сомнительных

¹ Букв. 'в сердце мне'. В Персии также на языке простого народа сердце подчас заменяет живот. Мне приходилось слышать 'сердце мое болит' в значении 'живот мой болит'.

мыслей не чией, я отнюдь не отгадчица, я только знающая, всякое дело я знаю, какое слово для тебя сомнительное (неясное), спроси у меня, я тебе разъясню». Тогда векиль спрашивает девушку: «Я прошу тебя, ты сперва мне объясни, почему ты мне на речке из золотой чаши чистой воды из родника не дала, а дала из грязной посуды мутной воды?». Девушка говорит: «Как же это ты, умный шахский векиль, а этих (вещей) не понял? Я тебе скажу, отчего я тебе не дала из золотой чаши воды родниковой: так как я видела — ты очень жаждешь, ты и усталый был, все твое тело в поту было; если бы я тебе чистой воды из золотой чаши дала, ты тогда бы из-за чистоты воды, ради прохлады воды, а также из-за стремления к золотой чаше, — вместо одной чаши выпил бы три, тогда тебя охватила бы болезнь из-за воды, у тебя случилась бы простуда, так как все тело твое было в поту, тогда ты заболел бы. По этой причине я тебя нарочно речами задержала и из грязной чашки воды (тебе) дала, так как я знала, что ты из грязной чашки воды пить не будешь. При этой задержке твоей пот прошел, пока ты в дом пришел, твое тело высохло от пота, мы пришли домой, я тебе приготовила чай, сколько тебе желательно пей, никакого вреда он тебе не причинит». Опять векиль спрашивает девушку: «Хорошо, теперь ты мне скажи: отец ваш ведь деревенский аробщик; как же ты мне сказала, что „отец мой налоги собирать пошел“, я так понял, что ваш отец — хан». Девушка отвечает: «Конечно, наш отец сам себе хан. Он пошел собирать налоги со своих поместий, с каждого сада, с каждого имения, один плод, одну долю (взяв), он ими наполнил арбу, привез, свои налоги собрал, привез со своих владений». Снова векиль спрашивает: «Ваша мать на мельницу поехала, чтобы пшеницу смолоть, муку привезти. Почему же ты сказала, что „наша мать пошла покупать честь“?». Девушка отвечает, говорит: «Конечно, моя мать пошла, честь принесла. Если бы наша мать сегодня вечером, пойдя на мельницу, там муки намолов, не принесла бы, нам бы сегодня вечером свежего хлеба не было бы поставить перед тобою, а ты, утром, уезжая, сказал бы: „посмотри-ка, какая бессовестная (это) была женщина, перед шахским векилем старый хлеб положила!“. Ясно, что наша мать честь принесла». Опять векиль спрашивает: «Брат твой учиться пошел. Ты как же сказала, что „брат мой ум покупать пошел“?». Девушка отвечает, говорит: «Конечно, мой брат пошел, чтобы учиться, будет учиться, уму выучится; отец деньги дает, а он учится». Эти речи уразумевши, векиль догадывается, что несомненно девушка — не отгадчица, но только знающая. Он говорит девушке: «Я теперь узнал, что ты очень знающая, умная девушка; я наверное знаю, что ты сможешь истолковать царский сон и мне сообщить; но я тебя очень прошу, сообщи ты мне истолкование царского сна, чтобы сердце мое успокоилось, чтоб я эту ночь в вашем доме со спокойным сердцем покойно поел бы и лег спать». Девушка, услышав эти слова, говорит: «Прости меня, царский векиль, но ты опять еще не стал умным, так как ты мне теперь говоришь, чтобы я истолкование сна тебе сообщила. Нет, я тебе в сегодняшний вечер истолкования сна не смогу дать, так как, если я тебе истолкование шахского сна сообщу, сердце твое будет торопиться и ты уже эту ночь спать здесь не станешь; ты быстро поедешь, чтобы сообщить шаху, так как сердце (твое) очень стремится к семье твоей». Сколько векиль ни умолял девушку, все-таки дело не вышло, и девушка истолкования сна ему не сказала. (Никакого) средства (более) у векиля не было; как бы то ни было, сердцем и душой беспокоясь о семье, он (все же) съел свою пищу, встал, пошел, лег и заснул до утра. Утром рано, чуть свет, девушка встала, поставила самовар, чай приготовила, утреннюю еду приготовила, скатерть расстелила, все приготовила, поставила, пошла, векилю сообщила, (его) подняла. Векиль проснулся, встал, наскоро руки и лицо свое помыл, молитву (намаз) свою прочел, сел перед скатертью, приступил к чаю, кушанье свое покушал, насытился, встал, руки, ноги свои помыл, надел свое платье, приготовился ехать, сказал девушке: «Прошу, меня больше не задерживай, я тороплюсь, сердце мое беспокоится о семье, скажи мне истолкование шахского сна, чтобы я узнал и скорее поехал, сообщил бы шаху, семью свою освободил бы». Девушка ему говорит: «Хорошо! Надень свое платье, оседлай свою лошадь, садись на нее, я скажу тебе истолкование (сна), а (тогда)

ты поезжай». Тогда векиль седлает лошадь, садится на нее (букв. на ее спину), говорит девушке: «Я готов, еду, говори слово твое!». Девушка говорит: «Ступай, скажи шаху: истолкование твоего сна таково: Тот старик — ангел смерти (Азраил), котел — это мир, курдюк — люди, поднос — это земля. Это (и есть) истолкование сна. Так вот показывает (этот) сон: Мир — полон людей. Сколько ангел смерти (Азраил) людей ни убивает, и (сколько) они ни идут в землю, — ни рука ангела смерти не устает, ни нож его не притупляется, ни люди в мире не кончаются, ни земля умершими не наполняется. Это (и есть) все истолкование сна царя. Поезжай, скорее (ему) сообщи, семью свою спаси. Я знаю, вы придете за мною — но сейчас, скоро не приезжайте до (истечения) одного месяца. — Поезжай! Пусть дорога твоя счастлива будет! Прощай!» — Векиль поворачивает лошадь, погоняет (ее), говорит: «Прощайте! Я еду!». — И он уезжает.

JE ZÄN ĴUHUR 'Ä DUXDIR

Je zän ĵuhur hăşd sal bu ä şüvăr rafdä bu, jurä 'äil nîsä birän bu (biräm bu). U zän fikir soxd ki «mä buram ä jon duxdir, bälke duxdir äri mä je čorä soxd, mărä 'äil bisdo». Je ruz i zän växüşd, rafd ä xunei duxdir, hül zä dăr jurä, di ki sâxdî. Kufd dărä ä däsävoz. Äz doru säs bisdo: «Kîni?» Zän pürsi: «Duxdir ä xunä dă?» Dărä vokurd (vokund) zän duxdir, gafdi äz i zän: «Duxdir ä xunä nädä, nüş inja, teitä duxdir omorä». — I zän nüşdâni ä sâr ustol ä jon zän duxdir, dânişirâni tã duxdir omorä. Ä i växdi i zän särgürdâni ixdilol ä zän duxdirävoz, pürsirâni: «Türä čänd 'äili?» — «Mărä 'äil nîsdi», — ĵuhob dorâni. — «Čuläm? Tūrä 'äil nîsdi? Tü zän duxdiriki!» — «Na', nîsdi. Mä zän duxdirîş hisdümgä, mărä 'äil nîsdi». — «Xub, imuhoi čänd sâli tü ä şüvăr rafdä?» — «Imuhoi duvazdäh sâli mä ä şüvăr rafdä». — «Ojo-jo-joi, čulam, čü! Imuhoi duvazdäh sâli ki tü ä şüvăr rafdä-î, türä 'äil nã biri? Xub, hič nã biri, i sa'âtîş nîsd, äz im baqdäigäş nîbu?» — «Nä'! Tã imhóîş nã biri, i sa'âtîş nîsd, äz im baqdäigäş imbúga nibúga nîsä đanüsdânüm». — «Ojo-jo-joi, hăču birä ki, mărä inĵigä nüşdä găräg nîsdi, hălă şüvăr tü duxdir biräki ä i duvazdäh sal türä je 'äil nădorängä, mărä hăşd sâli 'äil nã biri, mărä čulam mūdū? Xubi ki mä växüzüm ä je duxdirigä būram». — Zän växüşdâni, rafdâni.

ЕВРЕЙКА У ДОКТОРА

Одна еврейка уж восемь лет вышла замуж, а детей у нее не было. Эта женщина подумала: «Пойду-ка я к доктору, может быть доктор для меня (к. н.) средство сделает, чтобы у меня дети были». Однажды эта женщина встала, пошла в дом доктора, толкнула дверь его, увидела, что она заперта. Постучала рукою в дверь. Изнутри послышался голос: «Кто это?». Женщина спросила: «Доктор дома?». Жена доктора открыла дверь и сказала

этой женщине: «Доктора дома нет. Посиди здесь, пока доктор придет». Та женщина садится на стул около жены доктора и ожидает (букв. смотрит), пока доктор придет. В это время эта женщина вступает в разговор с женой доктора и спрашивает (ее): «Сколько у тебя детей?». — «У меня нет детей» — отвечает та. — «Как это? У тебя детей нет? Ведь ты же жена доктора!» — «Нет, нету (детей), хотя я и жена доктора, у меня детей нет». — «Хорошо, теперь сколько лет, как ты вышла замуж?». — «Теперь ровно 12 лет, как я вышла замуж». — «Ой, ой, ой! Как это! Что это! Теперь (уже) 12 лет, как ты вышла замуж и у тебя детей (так и) не было!? Хорошо! Совсем не было? и сейчас нет? и после этого не будет?». — «Нет, до сих пор не было, и сейчас нет, а после этого, будет ли, не будет ли, я не знаю». — «Ой, ой! Если так, то мне здесь сидеть нет надобности. Когда твой муж, будучи доктором, за эти 12 лет тебе одного ребенка не дал, то мне, у которой всего 8 лет как нет детей, как же он их даст? Лучше я встану и к другому доктору пойду». Женщина встает и уходит.

JETIM ÄZ HOL XÜŞDÄ

Valg liväsüz ä tahnö boqlä häsül omoräm,
Xok qabuqsüz ä qariş telü kälä mä biräm,
Zö'bei vorvori qahr gürdä sär mä, vor zä rûi märä,
Ä qariş värfho brähnä vängäsd i jändag märä.

Rähsüz, ädäbsüz äzir däsho maqbun bisdórum,
Xajiläti nun-nä ov vägürdä bui voşändüm,
Mi zühüm mi, mä jazüq jetim, je sa'atleigäş?
Mi vinüm mi, oi işüq 'ölam, türä ruzleigäş?

Särmä quz bu, däshoi mä duraz ä käs miqnátüm,
Jändäg nā qābār, rūi mā siāh ä tāhār rāngtum,
Sābāh tā šāhāngum dā brüm āzirlei šālā,
Voi zārām b(ü)rüm ä kučā, ä ki gujum i holā.

.....
Xunei Sovet avadu gārdo, xīlos bisdórum,
Ä i gālmā tāmízá partal pūčündä omorum,
Hār rūz nun ruýān (royān) ä 'asālāvoz biri xurağ mä,
Qirmizína xun lov biri izmu a rag jändag mä.

Ä jigei hämmä xundä äri mä biri nāsīhāt,
Sāhib gāşdüm, ofdum äri mä gürdüm nāsīhāt,
Gālmā xunā, rāhatā dūşāg biri jigei mä,
Jūn soqa kumāk müboşum äri hobilhoi (hovirhoi) gei mä!

СИРОТА О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Листок без ветки, я родился в одиноком садике,
 Без почвы, без покрытия, среди колючек я вырос,
 Сильный ураганный ветер рассердился на меня, ветер ударил мне в лицо,
 Среди снегов, обнаженным бросил он мое тело.

Без дороги, невоспитанный, я (находясь) под (чужими) руками, затосковал,
 Со стыдом хлеб и воду добывая, я вырос,
 Проживу ли я, несчастный сирота, хоть один часок еще?
 Увижу ли я (тебя), о свет мира, хоть один денек еще?

Голова моя склонилась, руки мои протянуты с мольбою к другим людям,
 Тело мое загорело, лицо мое почернело, словно (черная) краска от семян,¹
 С утра до вечера я находился под бременем,
 Я стонал на улице, кому мне рассказать об этом (моем) положении!

.
 Дом Советский пусть процветает, — я спасен!
 Этими теплыми чистыми одеждами я покрылся,
 Ежедневно хлеб, масло с медом стали моей пищей!
 Алая кровь растеклась теперь по жилам моего тела!

Вместо всего (что было) ученье стало для меня воспитаньем,
 Я искал хозяина (себе), нашел себе, взял наставление,
 Теплый дом, покойная постель — стали моим местом,
 С здоровой душой буду я (теперь сам) помощью для других моих товарищей!

ПОСЛОВИЦЫ

1. Düzdä dül büsdögä, xunä burra 'asónti.
2. 'Aräbä čarusdängä räh burbundogor ambar imbu.
3. Düzä gófä ja äz 'ajil ja nobuga (näbuga) äz xuigir miqani.
4. Tävär ä sär bädmozol xurd imbu.
5. Äz šükäst xäto kām nibu.
6. Ä 'äsb ('äsp) käs vänüşüho zu imfurow.
7. Säğ dārjorä (dārjohä) lap zäga dārjo murḍal nibu.
8. Čüklä ädomiho kälä xov dirä.
9. Duraza ädomi oxmox imbu.
10. Näzníke qumši (qunši) äz dúra xahär būror xub birä.
11. Äz dül gudäkho hofd bo parčojeti girošdä.
12. Äri käs čot vä kәнүho ju miḍarov.
13. Gófä burjun, äz lä'a vä dāšän.

¹ Т. е. растительная.

14. Tāhno dor ä višāš ma vórovo.
15. Nazu jāqārä xov dirä.
16. Šefda dórä duz soxdä níbu.
17. Dermui xär äz dorun dārjo ofdä mijov.

1. Если бы зависело от желания вора, дом грабить легко.
2. Когда арба (уже) повернет, показывающих дорогу много будет.
3. Правильное слово ты или от ребенка или разве от сумасшедшего узнаешь.
4. (Даже) топор о голову несчастного ломается.
5. От инвалида преступление меньшим не будет.¹
6. На лошадь другого человека влезшие скоро слезут.²
7. Если море собака будет лакать, море грязным не будет.
8. Маленькие люди большие сны видят.
9. Высокий человек глупым бывает.
10. Близкий сосед лучше, чем далекие сестра, брат.
11. Через сердца маленьких ³ людей семь раз царствование ⁴ проходит.
12. Для другого яму копающие сами в нее попадут.
13. Слово изжарь, (а потом уж) изо рта выброси.⁵
14. Одинокое дерево в лесу не вырастает.
15. Кошка жареную пшеницу во сне видит.⁶
16. Кривое дерево выпрямить нельзя.
17. Лекарство ослу (разве) в глубине моря можно найти.⁷

Сентябрь 1929 г.

¹ Т. е. от того, что оно совершенно инвалидом.

² Сравни: 'Чужое добро в прок не пойдет'.

³ Букв. 'низеньких', т. е. незначительных по своему социальному положению.

⁴ Т. е. грезы о царствовании.

⁵ Т. е. как следует продумай, а тогда уже говори.

⁶ Сравни: курице просо снится.

⁷ Т. е. глупость неизлечима.